

Научная статья

УДК 94(47)“1771”:39:316.35:357.1

DOI: 10.32516/2303-9922.2025.53.7

Привлечение яицких казаков к преследованию откочевывавших из России калмыков в январе — марте 1771 года

Степан Викторович Джунджузов

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия, djund@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8937-5690>

Аннотация. В статье рассматривается участие яицких казаков в военных действиях против мятежных калмыков, возложенные на них разведывательная деятельность и прием возвращавшихся на родину калмыков и других российских подданных, бежавших из калмыцкого плена. Сведения о подготовке к откочевке калмыков в Джунгарию в правительственных кругах России были встречены с недоверием. Яицкое казачье войско в январе 1771 г. оказалось единственной военной силой на пути уходившей мятежной Калмыцкой орды. Казачьей команде войскового старшины А. Митрясова удалось нанести поражение одной калмыцкой партии на Нижней яицкой линии и привести в повиновение и удержать от побега улус нойона Асархи численностью до двух тысяч кибиток. Готовность казаков к сопротивлению заставила наместника Калмыцкого ханства Убаши отказаться от набега на Яицкий городок и другие казачьи селения. Однако в силу объективных и субъективных причин остановить бегущую Калмыцкую орду Яицкое войско было не в состоянии. Большинство яицких казаков отказались от участия в дальнейшем преследовании ушедших за Яик калмыков.

Ключевые слова: Джунгария, калмыки, преследование, оренбургский губернатор, откочевка, улус, Яицкое казачье войско.

Для цитирования: Джунджузов С. В. Привлечение яицких казаков к преследованию откочевывавших из России калмыков в январе — марте 1771 года // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2025. № 1 (53). С. 107—122. URL: http://vestospu.ru/archive/2025/articles/53/7_53_2025.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2025.53.7.

Original article

Involvement of Yaik Cossacks in persecution of Kalmyks who had migrated from Russia in January — March 1771

Stepan V. Dzhundzhuzov

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia, djund@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8937-5690>

Abstract. The article examines the participation of the Yaik Cossacks in military operations against the rebellious Kalmyks, the intelligence activities assigned to them and the reception of the Kalmyks and other Russian subjects returning to their homeland who had escaped from Kalmyk captivity. Information about the preparations for the migration of the Kalmyks to Dzungaria was met with disbelief in Russian government circles. In January 1771, the Yaik Cossack army turned out to be the only military force on the way of the retreating rebellious Kalmyk Horde. The Cossack team of military sergeant A. Mitryasov managed to defeat one Kalmyk party on the Lower Yaik line and bring the ulus of Noyon Asarhi, numbering up to two thousand caravans, into submission and keep them from escaping. The readiness of the Cossacks to resist forced the governor of the Kalmyk Khanate Ubashi to abandon the raid on Yaik town and other Cossack villages. However, due to objective and subjective reasons, the Yaik army was unable to stop the fleeing Kalmyk Horde. Most of the Yaik Cossacks refused to participate in the further persecution of the Kalmyks who had gone beyond the Yaik.

© Джунджузов С. В., 2025

Keywords: Dzungaria, Kalmyks, persecution, Orenburg governor, migration, ulus, Yaik Cossack army.

For citation: Dzhundzhuzov S. V. Involvement of Yaik Cossacks in persecution of Kalmyks who had migrated from Russia in January — March 1771. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2025, no. 1 (53), pp. 107—122. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2025.53.7>.

Введение

Отношения между калмыками и яицкими казаками, как и между любыми другими народами, живущими на сопредельных территориях, в период существования Калмыцкого ханства всегда оставались сложными и противоречивыми. Яицкие (с 1775 г. — уральские) казаки были первым казачьим сообществом, встретившимся калмыкам при переходе из Джунгарии в низовье Волги в XVII в.

Регулярные сношения между уральскими казаками и калмыками начинаются с 1629 г. В приложении к первому тому своего фундаментального исследования истории уральских казаков А. Б. Карпов поместил текст донесения самарского воеводы Бориса Салтыкова. В нем говорилось, что прибывшая в Самару 17 мая 1630 г. станица яицких казаков во главе с Прошкой Филиппьевым привезла известие о появлении, еще до наступления зимы, вблизи Яицкого городка первой партии калмыков. Тогда же казакам пришлось отбить и первую атаку воинственных кочевников. Взятые в плен раненые калмыки показали, что идут на них войной большие калмыки и собираются они кочевать по Яику и по обоим берегам Волги, идти войной на ногайских татар. Калмыки, названные «большими», появились на Яике в апреле 1630 г. Казаки встретили пришельцев у находившегося в устье Яика Соляного городка, известного также под названиями Голубое городище и Кош-Яик. Поле боя осталось за казаками, и в качестве доказательства они отправили в Самару взятого в плен неприятеля [7, с. 865—866]. В тридцатых годах XVII в. калмыки окончательно утвердились между реками Яик и Волга.

Со временем отношения между яицкими казаками и волжскими калмыками стабилизировались. Российское правительство налагало на Яицкое войско обязанность пресекать столкновения между калмыками и казаками (в дореволюционной терминологии — киргиз-кайсаками) и защищать калмыцкие улусы от набегов последних. В то же время и калмыки, и яицкие казаки способствовали созданию ситуаций для взаимного недовольства. Яицкие казаки непрерывно жаловались на производимые калмыками воровские угоны скота и лошадей. Калмыцкие нойоны выражали протесты в связи с зачислением в Яицкое войско уходивших из их улусов рядовых калмыков [10, л. 68 об.].

Яицкие казаки, и в первую очередь их представители калмыцкого происхождения, являлись поставщиками конфиденциальной информации о положении дел в Калмыцком ханстве для Оренбургской губернской канцелярии. Именно от них за год до случившейся в январе 1771 г. откочевки калмыков-торгоутов в завоеванную китайцами Джунгарию были получены известия о готовившемся наместником Калмыцкого ханства побеге.

Участие яицких казаков в преследовании мятежных калмыков не получило должного освещения в научной литературе. А. И. Левшин в изданном в 1832 г. описании киргиз-кайсацких орд ограничился пояснением о том, что Яицкое казачье войско, призванное создать первую преграду проходившим через их земли калмыкам и преследовать их после переправы через Яик, «возмутилось и решительно отказалось выйти из своих жилищ» [9, с. 256].

Наиболее полно из дореволюционных историков действия командированных вслед за калмыками яицких казаков описал В. Н. Витевский. Виновными в допущенной откочевке волжских калмыков за пределы Российской империи автор очерка «Яицкое войско до появления Пугачева» называет не только взбунтовавшихся яицких казаков, но и главных военных администраторов Оренбургского края: оренбургского губернатора гене-

рал-майора И. А. Рейнсдорпа и состоявшего в таком же воинском звании командующего войсками Оренбургского округа И. К. Давыдова. Рассчитывая на опытность Рейнсдорпа и Давыдова, Военная коллегия предоставила им полную свободу действий. Однако этого доверия они оправдать не сумели. Как отмечает В. Н. Витевский, «распоряжения Рейнсдорпа были или несвоевременны, или же совсем невыполнимы; в Давыдове, отличавшемся недостатком распорядительности, калмыки нашли не противника, а помощника своим намерениям» [2, с. 395].

К сожалению, описанные В. Н. Витевским события были обойдены вниманием историков Уральского казачьего войска, которые сосредоточились на протестных действиях яицких казаков, возмущенных дискредитационной политикой царского правительства [5]. Так, в книге советского историка И. Г. Рознера «Яик перед бурей» указу Военной коллегии Яицкому войску отправиться в погоню за калмыками уделен лишь один абзац. И без каких-либо ссылок на источники там утверждается, что «непослушные» казаки отказались выполнять приказ, более того, 215 человек из них присоединились к калмыкам и бежали вместе с ними за Яик. «В погоню отправились одни “согласные”; они убили часть беглецов, захватили в плен женщин и детей, угнали лошадей» [18, с. 109—110].

В работах, непосредственно посвященных откочевке волжских калмыков в Китай в 1771 г., внимание в основном акцентируется на причинах калмыцкого исхода [19; 20], судьбе ушедших и оставшихся на Волге калмыков [1; 3; 4; 8]. Об их преследовании со стороны казаков говорится крайне лаконично.

Расчет правительства на Яицкое казачье войско, призванное «всячески стараться над ними [калмыками] поиск и победу одержать», не оправдался. 9 марта 1771 г. командующий войсками Оренбургского округа (корпуса) генерал-майор И. К. Давыдов сообщением из Яицкого городка известил оренбургского губернатора генерал-майора И. А. Рейнсдорпа об отказе большей части яицких казаков немедленно сформировать команду и выступить в поход за беглецами-калмыками. Названные «несогласной стороной» казаки выдвинули неприемлемые для губернской администрации и войсковых старшин условия: во-первых, возратить им право выбирать походного атамана и старшин из казаков; во-вторых, выдать положенное им за последние пять лет жалованье, незаконно, по их мнению, удержанное Оренбургской губернской канцелярией за неуплату налогов [15, л. 229 об. — 230].

Дальнейшее участие Яицкого войска в преследовании беглых калмыков становится крайне незначительным. В корпусе полковника Фон Траубенберга, выдвинувшемся в степь 11 апреля из Орской крепости, состояло всего лишь 32 яицких казака и еще 16 не явились «за болезнью» [15, л. 204]. Однако именно Яицкое казачье войско оставалось единственной военной силой, на протяжении двух месяцев пытавшейся преследовать и задерживать откочевывавших за пределы России калмыков.

В данной статье рассматривается участие яицких казаков в военных действиях против мятежных калмыков, а также возложенные на них разведывательная деятельность и прием возвращавшихся на родину калмыков и других российских подданных, бежавших из калмыцкого плена.

Источниковой базой исследования явились материалы фонда Оренбургской губернской канцелярии Объединенного государственного архива Оренбургской области (фонд Ф-3). Массив привлеченных документов составили рапорты Войсковой канцелярии Яицкого войска на имя оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа и генерал-майора И. К. Давыдова, а также рапорты, поступавшие от походных старшин и линейных командиров в саму Войсковую канцелярию. Важная информация о передвижениях бег-

лых калмыков содержится в свидетельских показаниях очевидцев, в силу разных обстоятельств контактировавших с мятежниками.

Результаты исследования

Игнорирование донесений о подготовке откочевки калмыков

Несмотря на тщательную и скрытно проводимую наместником Калмыцкого ханства и поддерживавшими его нойонами подготовку к откочевке калмыцкого народа из России в завоеванную китайцами Джунгарию, она не должна была стать неожиданностью ни для российского правительства, ни для администраций юго-восточных губерний России. Ответственность за то, что значительной части калмыков удалось почти беспрепятственно уйти за пределы России, главным образом лежит на руководящих чиновниках Коллегии иностранных дел, которые полагали, что опасность такого перехода не позволит калмыцкой верхушке решиться на столь рискованное предприятие. Свою лепту внесла и централизованная система принятия решений, сковывавшая инициативу и превращавшая местных администраторов в инертных исполнителей спускаемых сверху распоряжений.

30 января 1770 г., за год до случившейся калмыцкой откочевки, казахский хан Нурали передал казачьему атаману Бородину двух калмыков, промышлявших воровством казахского скота. На допросе в Яицкой войсковой канцелярии оба подтвердили, что слышали о готовящейся откочевке в Джунгарию. С этой целью калмыки якобы и скот в большом количестве у казахов угоняют. Но если первый из них, Габун Санжи, ссылаясь на неких «хороших людей, которые бывают около зайсангов в проговорах» и ничего конкретного о намечавшемся побеге сказать не смог, то второй, Бадыш Хадасунов, указал на недовольство калмыков потерей скота во время нахождения на службе. Видимо, он имел в виду участие калмыков в русско-турецкой войне. Хадасунов уточнил, что в Джунгарию они намерены уйти «около праздника Цаган Сары» (новый год по лунному календарю, празднуется в начале весны. — С. Д.) [11, л. 163—163 об.]. Аналогичное известие о том, что калмыки с недовольством отзываются о налагаемых на них в настоящее военное время служебных обязанностях и видят выход в побеге из России, было получено от двух яицких казаков [12, л. 62].

Казахский хан Нурали указал старшине Бородину на выходца из Джунгарии нойона Шеаренга как основного подстрекателя калмыков к побегу [12, л. 62].

Оренбургский губернатор скептически отнесся к показаниям допрошенных калмыков. В рапорте, представленном в Коллегию иностранных дел, И. А. Рейнсдорп высказал мнение, что ввиду представлявшихся трудностей в обеспечении провиантом и фуражом во время перехода, а также угрожавшей калмыкам потери собственного управления и независимости сообщенное на допросе «едва ли с правдою сходно». Однако для подстраховки, памятуя о непостоянстве и «легкомыслии» кочевников, он все же отдал распоряжение генерал-майору Давыдову об усилении мер предосторожности на яицких форпостах [11, л. 62; 12, л. 61].

Представленные казахским ханом подозрения калмыков в готовности изменить Государству российскому Коллегия иностранных дел сочла надуманными, вызванными давней враждой. Шеаренг, по мнению дипломатического ведомства, «не имеет причины желать в своем отечестве быть, как вышедший в здешнее подданство на сибирские границы... Его землею завладели китайцы, из которых он многих и перебил... Его и имя долженствует китайцам, настоящим Зенгории обладателям, ненавистно» [12, л. 62 об.]. К тому же годом ранее, в 1769 г., Шеаренг показал преданность Российскому престолу в сражении против кубанских татар на реке Калаус.

Последние сомнения правительственных чиновников развеял сам факт угона калмыками казахского скота в большом количестве. Им казалось, что после нанесения столь

ощутимого ущерба калмыки не решались на длительный переход через Казахскую степь, где им предстояло столкнуться с численно превосходящими их казахскими конниками. Мнение Коллегии было представлено состоявшему при калмыцких делах полковнику И. А. Кишенскому и оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу [12, л. 63—63 об.].

Скептический взгляд правительства на возможную откочевку калмыков дезориентировал военные администрации приграничных губерний. К тому же калмыки оставались в местах традиционного кочевания и не давали повода для беспокойства. Оренбургский губернатор, уверенный в лояльности наместника Калмыцкого ханства Убаши, не обращал должного внимания на сообщения из Яицкого войска о перемещении калмыцких застав.

В конце ноября 1770 г., под предлогом предосторожности от казахских нападений, Убаши направил часть своих войск в урочище Рын-Пески, находившееся в Каспийской низменности, в междуречье Волги и Яика [2, с. 393]. Месяцем позже походный атаман Иван Кириллович Акутин представил в Войсковую канцелярию полученное от нойона Шеаренга письмо. Шеаренг не скрывал, что управляемая им команда численностью в 10 тыс. человек расположилась заставами по р. Камыш-Самаре и в урочище Тукул, куда и сам наместник Калмыцкого ханства Убаши направляется. Военную активность калмыков он объяснял необходимостью обеспечения обороны их Орды от возможных нападений казахов. Более того, надеясь на неправильную интерпретацию казачьим атаманом истинных намерений калмыцкой знати, нойон Шеаренг от имени наместника просил дать сведения о положении дел в Киргиз-кайсацкой орде: находятся ли казахи в спокойствии или отправились на кого-то в поход [14, л. 18 об.].

Запоздалое прозрение оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа. Продвижение калмыков к Яику

11 января прибывший в Яицкий городок казак Митрей Пузаткин объявил в Войсковой канцелярии, что находившиеся на речке Узени на рыболовстве яицкие казаки подверглись нападению калмыков. Четверых казаков «побили и покололи». Свидетели этого избиения — четверо работных людей и малолетний казачий сын Гаврила Чумаков — сумели скрыться в камышах и добраться до Сахарной крепости. По их словам, «[в] калмыцкой орде там весьма множественное число» [14, л. 24 об. — 25].

Вероятно, последние сомнения старшин Войсковой канцелярии о начавшемся движении Калмыцкой орды в направлении Джунгарии развеялись, когда стали поступать известия о присоединении к ней яицких казаков калмыцкого происхождения. Те из них, кого удавалось задержать, свидетельствовали о подстрекательстве к побегу приехавшего от наместника Калмыцкого ханства отставного казака Гендун Гецуля [14, л. 41 об. — 42]. 15 января 1771 г. губернатор И. А. Рейнсдорп получил очередное донесение из Яицкого городка от генерал-майора И. К. Давыдова. В указании цели движения калмыков, видимо для подстраховки, было добавлено слово «якобы»: «якобы она в намерениях, Яик реку перелезши, идти в Зенгорию». Оставив за И. А. Рейнсдорпом право на окончательное мнение о том, как действовать в отношении калмыков, Давыдов все же считал нужным предупредить хана Нурали о возможном их продвижении по местам казахских кочевий.

Однако оренбургский губернатор продолжал относиться к донесениям о стремлении калмыков уйти из России как к слухам. Он пребывал в уверенности, что подготовка к столь масштабному побегу не могла остаться незамеченной полковником Кишенским, состоявшем при калмыцких делах. Поэтому до тех пор, пока от Кишенского не будут получены точные известия, чтобы не провоцировать казахов к нападению на калмыков, никакого уведомления к Нурали-хану он посылать не велел [14, л. 1 об.].

23 января губернатор И. А. Рейнсдорп получил от генерал-майора И. К. Давыдова сообщение о начавшейся 19 января переправе через Яик большой партии калмыков между форпостами Красные Яры (Красноярским) и Харкинским. Выше Красноярского форпоста калмыки поставили заставу и подожгли построенные казаками сараи для содержания скота. Об этом свидетельствовал направленный в Оренбург яицкий казак Иван Карманов. Он нес службу на нижних яицких форпостах в Калмыковой крепости. Пополудни, 19 января, линейные казаки близ Красноярского форпоста увидели большой пожар. Состоявший над ними командиром походный полковник Иван Щелкин отправил на разведку хорунжего Ивана Харчева с казачьей командой. На расстоянии одной версты от форпоста разведчики захватили калмыцкий пикет. Так казаки узнали о переправе через Яик большой партии калмыков. Но о цели предпринятого калмыками предприятия Харчев разузнать не удосужился, как и не отважился задержать калмыцких пикетчиков [14, л. 37, 56].

Нападению калмыков 19 января подвергся и сам Красноярский форпост. Командовавший форпостной командой сотник Никита Назаров на следующий день рапортовал, что в нападении на форпост участвовало до 300—400 и более человек. Сначала они подожгли «скотские базы», а находившийся там скот — лошадей и коров — отогнали к себе. С полудня и до самой ночи между укrywшимися в форпосте казаками и напавшими на них калмыками продолжалась ружейная перестрелка. Однако понесенные сторонами потери оказались незначительными. У оборонявшихся один казак получил ранение в ногу и два казака были пленены. Нападавшие потеряли убитыми двух человек. Лишь с наступлением темноты калмыки отступили и разожгли костры. Той же ночью сотник Назаров со своей командой, забрав жен и детей, перебрался в Калмыкову (позднее переименованную в Калмыковскую) крепость [14, л. 105—106].

20 января калмыки предприняли попытку штурмом овладеть Калмыковой крепостью. Казачий полковник И. Щелкин оценивал их численность от 5 до 20 тыс. человек, к тому же усиленных артиллерией, состоявшей из трех пушек. Бой начался с утра. Как и в предыдущий день у Красноярского форпоста, пушечная и ружейная пальба не прекращалась до темноты. Чтобы подчеркнуть мощь натиска и стойкость казаков, И. Щелкин отметил: «От которого их сильного приступа едва могли и устоять». На фоне столь жаркого боя ущерб, понесенный казаками, согласно рапорту, оказался крайне незначительным. Два казака получили легкие ранения, а материальные потери свелись к сожженному в стогах сену. Калмыков же, если верить тому же Щелкину, «до смерти побито человек до десяти и более, а точно объявить, по их многолюдству усмотреть, было невозможно. Только поблизости крепости осталось убитых три человека». Военной добычей казаков стали два десятка калмыцких лошадей [14, л. 134 об.].

В те дни атаке калмыков подверглись и другие крепости и форпосты на Нижней яицкой линии, что засвидетельствовал писарь Гаврила Красненков, посланный в Яицкий городок из Кулагиной крепости с донесением от походного атамана И. К. Акутина. Интенсивная перестрелка разгорелась у стен Кулагиной крепости утром 19 января. Красненков утверждал, что нападавших калмыков под предводительством нойона Шеаренга и сына нойона Бамбара Церин Делика было до 15 тыс. человек. Участники того боя — целовальник Шатаев и солдат Шадрин — по прибытии в Оренбургскую пограничную таможенную пояснили, что со стороны оборонявшихся стрельба велась из двух пушек и пятидесяти орудий. Казакам не только удалось отстоять крепость, но и не потерять ни одного своего товарища раненым, а тем более убитым, в то время как калмыки, в тщетных попытках овладеть крепостью, лишились убитыми шесть человек. Правда, двадцать яицких казаков калмыцкого происхождения с женами и детьми перешли на сторону мятежников.

С наступлением ночи писарь Красненков выехал из Кулагиной крепости. В пути он наблюдал объятые пожаром форпосты Гребенщиковский, Красноярский и Харкинский, а также осажденную калмыками крепость Индирских гор. Дорога до Яицкого городка заняла у него четыре дня [14, л. 135—135 об., 183].

Одновременно с известием о продвижении калмыков за Яик 23 января в Оренбургскую губернскую канцелярию поступили запоздалые донесения от полковника И. А. Кишенского и помощника царицынского коменданта И. Е. Цеплетева. Их составители не только подтвердили ставший для них неожиданным факт измены торгоутских калмыков, но и расписались в неспособности к созданию препятствий и преследованию мятежников [14, л. 58, 61].

4 января часть калмыцкого войска возвратилась на горную сторону Волги за оставшимися там семьями наместника ханства Убаши и других нойонов. В следующем донесении от 10 февраля полковник Кишенской поделился некоторыми ставшими ему известными подробностями спровоцированного наместником побега. Народу он объявил, что получил повеление императрицы Екатерины II отправить в Санкт-Петербург своего сына, а с ним и сыновей пяти знатных нойонов и ста зайсангов, после чего набрать из калмыцкого народа десять тысяч человек для определения в солдаты. Напустив на глаза слезы, Убаши признался, что в сложившейся ситуации не находит другого способа, как только выйти из российского подданства, и просил народ о следовании за ним и беспрекословном подчинении. Речь наместника ханства произвела нужное впечатление. Рядовые калмыки, не мешкая, засобирались в дорогу. И в это же время вооруженными калмыками было совершено нападение на Татарский базар. Они ограбили находившихся в калмыцких улусах по торговым делам армян, татар и русских, а 25 волжских казаков во главе с капитаном Дудиным, несших караульную службу при калмыцких кочевьях, взяли в заложники.

И. К. Кишенской развеял царившее в правительственных кругах представление о непоколебимой верности нойона Бамбара. Полковник обозвал его плутом «не из последних возмутителей». Из допросов свидетелей он сделал вывод, что Бамбар был одним из пяти, включая и наместника Калмыцкого ханства Убаши, подстрекателей и организаторов откочевки калмыков [15, л. 4—4 об.].

Дальнейшую ответственность за преследование и недопущение переправы калмыков через Яик полковник Кишенской перекладывал на оренбургского губернатора. Имевшиеся в низовьях Волги небольшие воинские контингенты он намеревался использовать для удержания оставшихся в приволжских степях десяти тысяч калмыцких кибиток [15, л. 5].

В то время единственной военной силой на пути продвигавшейся за пределы России Калмыцкой орды оставались только казаки Яицкого войска. Однако их численность существенно уступала проходившей через войсковую территорию калмыцкой группировке. В зимнее время казаки либо выезжали на зимнюю рыбную ловлю — осетровое багрение, либо оставались в своих домах. В боевой готовности находились только казаки, несшие охранную службу в крепостях и форпостах Нижней яицкой линии.

Между тем оренбургский губернатор И. А. Рейнсдорп признал свое заблуждение в том, что прежде «по многим резонам отнюдь тому не верил, чтоб Волжская калмыцкая орда на побег подвигнуться могла», и, «уверовав», развернул бурную приказную деятельность. Его первое распоряжение генерал-майору И. К. Давыдову состояло в требовании умножить число людей на яицких форпостах и препятствовать продвижению калмыков, «а притом постараться и наместника их и владельцев поймать» [14, л. 61].

Распоряжение оренбургского губернатора, несомненно, являлось ожидаемым и необходимым, но, как и многие другие его будущие распоряжения, запоздалым и трудновы-

полным. 24 января походный полковник И. Щепкин уже рапортовал о том, что в районе Калмыковой крепости все калмыки перешли через реку Яик на бухарскую сторону [14, л. 168]. Следовательно, теперь ставилась задача не только задержания на переправах арьергардных партий калмыков, но и организация поиска ушедших за Яик беглецов.

Преследование мятежных калмыков командой войскового старшины А. Митрясова

С учетом фактора неожиданности Войсковая канцелярия отреагировала достаточно оперативно. Не дожидаясь распоряжения из Оренбурга, была собрана и отправлена в низовья Яика казачья команда под предводительством войскового старшины Алексея Митрясова. В поход спешно снарядили 1130 казаков (в донесениях фигурирует также число 1300. — С. Д.) и артиллерию в составе четырех пушек [14, л. 70].

25 января команда А. Митрясова находилась в Сандуковском форпосте в 107 верстах от Яицкого городка. Оттуда он рапортовал, что для преследования бегущих калмыков от Котельного форпоста намерен перейти на степную сторону р. Яик. Учитывая незначительную в сравнении с противником численность казачьей команды, Войсковая канцелярия сочла намерение Митрясова слишком рискованным. Посланным ему ордером было велено в первую очередь обеспечить защиту крепостей и форпостов и лишь затем приступить к поиску и преследованию калмыков [14, л. 70 об.].

Тогда же с целью инспектирования крепостей и форпостов в Калмыкову крепость направили войскового старшину Якова Колпакова. Он должен был определить, какие укрепления ниже Яицкого городка нуждаются в усилении воинского контингента, а по прибытии в Калмыкову крепость собрать достоверные сведения о состоянии прилегающих к ней форпостов, продвижении беглых калмыков и нахождении команды старшины Митрясова [14, л. 70 об.].

30 января старшина Я. Колпаков прислал из Калмыковой крепости важного свидетеля — калмыка-перебежчика Буручу Тугушимова, находившегося с семьей при кочевье самого наместника Убаши. Буруча рассказал об откочевке калмыков от Волги и, что важно, сообщил о расстановке военных сил в Калмыцкой орде и направлении ее движения. В авангарде как при движении к Яику, так и после переправы через него находились нойоны Бамбар, Шеаренг и Гунга в числе 10 тыс. кибиток. В центре с таким же числом кибиток продвигался наместник Убаши. С флангов и сзади его прикрывали пятитысячные группировки Мамута, Абгуна, Абуши, сына Бамбара Церен Зелика и Гецул Данчина (так в тексте. — С. Д.) [14, л. 279 об.]. Более правильное написание имен калмыцких военачальников, прикрывавших улус наместника ханства Убаши с флангов и тыла, представлено в монографии Е. В. Дорджиевой: «...левый фланг возглавляли Кирип и Аксахал, правым флангом предводительствовали Моомут-Убаши и Эмеген-Убаши, в замке подгоняли медливших и колебавшихся войска наместника и Цебек-Доржи» [4, с. 93].

Общую численность одних только служилых людей в распоряжении наместника ханства Буруча насчитывал до 70 тыс., «исправных воинскою сбруей и оружием». В распоряжении Бамбара находились две пушки, при которых канониры — «не природные калмыки». Находясь при улусе наместника, он слышал о намерении Убаши идти в Джунгарию через р. Эмбу. Также он узнал, что после переправы через Яик Убаши требовал от Бамбара направить его людей для захвата Калмыковой крепости и нападения на Яицкий городок. Бамбар уклонился от участия в таком рискованном предприятии. Это известие вселило в оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа надежду на возможный раскол в калмыцкой верхушке и склонение недовольных наместником нойонов к возвращению в Россию.

После переправы через Як Буруча, оставив жену и дочь, бежал в Калмыкову крепость. Свой поступок он объяснял желанием кочевать по-прежнему за рекой Волгой с улусом оставшегося там нойона Замьяна, в составе которого находилось восемь его собственных кибиток [14, л. 279—280].

31 января в Войсковую канцелярию поступил рапорт от А. Митрясова, которым он информировал о направлении движения вверенной ему команды и достигнутых ею успехах. 27 января из Калмыковой крепости казаки выдвинулись к речке Каракуль, где по наводке возвратившихся беглецов должны были находиться преследуемые ими калмыки, но по прибытии там их уже не застали. Встреченный в дороге астраханский татарин дал знать, что Калмыцкая орда от той реки три дня как ушла. Однако от калмыков он якобы слышал, что вскоре к Яику должна подойти еще одна, идущая с Волги, партия калмыков численностью до 2 тыс. человек. В подтверждение указанного слуха полковником Щелкиным было получено донесение из крепости Индерских гор (позднее — Индерская), что к той крепости приезжали до сорока человек калмыков и искали брод для перегона скота. Казачий отряд нагнал этих калмыков у Индерского озера, в рапорте названного Индерской солью, и вступил с ними в бой. Потеряв шесть человек убитыми, калмыки рассеялись по степи. Задержать удалось двух зайсангов и четверых подвластных им людей с женами и детьми. В ходе столкновения двое казаков получили ранение [14, л. 222—222 об.].

29 января, находясь в крепости Индерских гор, А. Митрясов получил донесение, что ниже по течению Яика переправляется на степную сторону большая партия калмыков — до 4 тыс. кибиток. Казакам удалось остановить переправу и вернуть всех калмыков с их скотом на российскую сторону Яика. А. Митрясов и сопровождавшие его в походе старшины Нефед Мостовщиков и Федор Липунов взялись агитировать калмыков отказаться от своего «злого намерения», раскаяться и вернуться в российское подданство. Но до наступления ночи добиться от калмыков готовности к подчинению им не удалось.

На следующий день противоборствующие стороны подняли знамена, выставили пушки и готовы были к сражению. Однако по каким-то соображениям калмыки от столкновения уклонились. Прибывший от них зайсанг был задержан Митрясовым. Затем с целью встречи и ведения переговоров с казачьим командиром отправился сам владелец улуса нойон Асархи, приходившийся двоюродным братом наместнику Калмыцкого ханства Убаши. Однако и он был выхвачен казаками из окружавшей его толпы калмыков и доставлен к войсковому старшине.

Задержание предводителя отрезвляюще подействовало на его окружение. Калмыки преклонили перед казаками свои значки (знамена) и, как рапортовал старшина Митрясов, «подвергая себя монаршей воле, и принесли в том присягу». А в оправдание своей измены Российскому престолу заявили, что в Джунгарию они вынуждены были идти по приказанию наместника Убаши, а сами к тому желания не имели. А. Митрясов распорядился взять в аманаты нойона Асархи и трех зайсангов из Эркетенского рода. До получения распоряжения из Войсковой канцелярии их оставили в крепости Индерских гор. Принадлежавшие им калмыки численностью до 2 тыс. кибиток расположились кочевьем на р. Багырдай [14, л. 222 об. — 223].

12 февраля 1771 г. казачья команда старшины А. Митрясова возвратилась из похода [14, л. 470]. А. Митрясовым был представлен рапорт о военных успехах его команды. Из него следует, что в ходе рейда по крепостям и форпостам Нижней яицкой линии казаками «побито из них, [калмыков], не покорившихся и вооруженных более 200 человек, а ушло малое число. В плен взято всего мужска и женска полу 230 душ, в том числе два зайсанга. Знамен отбито три, ружей 152, сабель 68, сандаков 85, копей 196, чалканов 52, да в

добыче получено верблюдов 133, лошадей с жеребьями 909, баранов 2520, из которых добыча вся разделена казаками по себе» [14, л. 477]. Но, безусловно, главным достижением А. Митрясова стало склонение к возвращению в российское подданство нойона Асархи со всем его улусом.

Уклонение яицких казаков от мобилизации

Военная коллегия и оренбургский губернатор продолжали рассчитывать на яицких казаков как на основную силу, способную остановить калмыков. Так, во 2-м пункте указа Военной коллегии от 25 января 1771 г. содержалось требование командировать в поход за калмыками все Яицкое войско. Для его усиления, по усмотрению губернатора, разрешалось использовать «по некоторому числу оренбургских казаков и башкирцов», а также, по согласованию с генерал-майором И. К. Давыдовым, несколько эскадронов из состоявших в Оренбургской губернии регулярных полков и несколько пехотных рот из гарнизонных батальонов [13, л. 49—49 об.]. На сборы и переброску к месту дислокации этих воинских контингентов понадобилось более месяца. Набранный из регулярных и нерегулярных войск корпус полковника фон Траубенберга выступил из Орской крепости только 11 апреля [16, л. 289].

Указ Военной коллегии лег в основу совместного плана губернатора И. А. Рейнсдорпа и генерал-майора И. К. Давыдова о распределении имеющихся в Оренбургской губернии войск для защиты пограничных линий и использовании против калмыков. В их числе под общим командованием полковника фон Бейерна было 2 тыс. яицких казаков (1300 под командованием А. Митрясова и 700 под командованием М. Суетина).

Очевидно, в свете случившегося вскоре бунта большей части яицких казаков Яицкая войсковая канцелярия, выдавая желаемое за действительное, в рапорте от 10 января уведомила оренбургского губернатора, что «пристойная команда с надлежащим старшиною наряжена и находится в готовности». Вот только отправить ее из Яицкого городка вслед за калмыками прямо в степь войсковым старшинам не представлялось возможным. Глубокий снег, покрывший в начале зимы Яицкую степь, под влиянием оттепели и дождей сменился глубоким обледенением. Под слоем льда остался скудный зимний подножный корм для лошадей. Да и передвигаться по льду, не повредив ног, лошади и казаки были не в состоянии. Как итог, казачья команда могла застрять в степи. Организовать в такой ситуации подвоз овса и сена для казачьих лошадей не представлялось возможным.

По справедливому мнению казачьих старшин, калмыки должны были продвигаться степью параллельно Яику выше Яицкого городка. Поэтому они предлагали направить казачью команду вверх по линейным крепостям и форпостам, где был в достаточном количестве заготовлен фураж и провиант. «Потом, где поспособнее и ближе повелено будет, и в степь она команда для преследования тех калмык может отправиться» [14, л. 470 об. — 471].

Обращение непосредственно к оренбургскому губернатору, минуя командующего всеми оренбургскими войсками генерал-майора И. К. Давыдова, Войсковая канцелярия объясняла опасением последнего отдавать какие-либо приказы без резолюции своего непосредственного начальника [14, л. 471].

Пассивность яицкого войска и генерал-майора И. К. Давыдова раздражали И. А. Рейнсдорпа. В ордере от 2 марта он выражал решительное непонимание, «что о бегущих калмыках через толь немалое войско Яицкое точного известия получить доселе невозможно». Губернатору оставалось лишь предполагать, основываясь на показаниях недельной давности, полученных от пришедшего в Сахарную крепость калмыка Лозана Шарапова, что изменники-калмыки от той крепости далеко отойти не могли. И. А. Рейнсдорп напоминал И. К. Давыдову о своих неоднократных требованиях, чтобы Яицкое войско

посылало команды вниз по Яику, «дабы они, калмыки, без всякого препятствия и слуху не ушли». Он указывал, что в сложившихся условиях Войско обязано преодолевать препятствия и выполнять поставленные задачи. Если в Калмыковой крепости фураж не заготовлен в достаточном количестве, то казаки, отправляясь в поход, должны запастись им впрок.

Даже Военная коллегия вынуждена была обратить внимание на нерешительность, нераспорядительность и самоустранение И. К. Давыдова от возложенных на него обязанностей. В указе от 18 февраля Коллегия «с сожалением» усмотрела, что калмыки застали Яицкую линию врасплох, чего Коллегия не ожидала. Генерал-майор Давыдов «не употребил никаких мер к воспрепятствованию побега калмыков». Коллегиальные чиновники с пренебрежением относились к военным способностям калмыков. Они считали, что Давыдову для их удержания достаточно было бы «одного эскадрона с храбрым и находчивым начальником во главе» [2, с. 397].

Получив столь суровую отповедь из Военной коллегии, оренбургский губернатор усилил давление на генерал-майора Давыдова, требовал, чтобы он, как поставленный над всеми войсками начальник, к тому же находящийся в Яицком городке, не принимал от Яицкого войска «тщетных отговорок» и добивался немедленной отправки яицких казаков в погоню за калмыками. Возвращению подлежали все казаки, находящиеся на рыболовстве, а призыву — не только штатные, но и годные к службе сверхштатные казаки. Побуждением к походу для них могла стать раздача отбитого у калмыков имущества [15, л. 53—53 об.].

Наконец, заручившись поддержкой оренбургского и столичного руководства, И. К. Давыдов решил направить Яицкому войску безапелляционный ордер с требованием снарядить и выслать через 24 часа воинскую команду с необходимым числом командиров. В составе команды также предусматривалась артиллерия в количестве восьми пушек с достаточным запасом ядер и картечи. От казаков требовались исполнительность и послушание, «как военный артикул и воинские правила повелевают и дисциплина требует». Численность команды должна была составить 1600 человек. Ее командиром назначался уже упоминавшийся полковник фон Бейерн [15, л. 123, 135]. Следуя полученными инструкциями, И. К. Давыдов предписывал казакам не чинить обид калмыкам, добровольно ушедшим из мятежной орды или без сопротивления сдавшимся в плен. Чтобы «их имение отнюдь не отбирали и приметок никаких не делали и тем к возвращению их охоты не пресекали» [15, л. 123 об.].

Однако этому запоздалому распоряжению не суждено было сбыться. 9 марта И. К. Давыдов направил губернатору И. А. Рейнсдорпу упоминавшееся выше донесение о положении дел в Яицком войске, в котором фактически признался в своей полной беспомощности принудить казаков поступить в команду полковника фон Бейерна [15, л. 167].

Свою версию причин конфликта с войсковыми старшинами и невыполнения Яицким войском возложенной на него обязанности изложили в челобитной на высочайшее имя представители так называемой «несогласной», или «народной», партии. Когда стало известно, что мятежные калмыки захватили в плен яицких казаков, находившихся на рыболовстве на р. Узени, атаман Петр Тамбовцов не послал им на выручку к нижним форпостам казачью команду. Атамана больше заботило бегство состоявших в Войске двадцати калмыков-казаков. В погоню за ними он распорядился направить старшину Нефеда Мостовщикова с пятью сотнями казаков. Поставленной цели они не достигли. Задержали лишь несколько отставших беглецов, в то время как шедшие в авангарде калмыки беспрепятственно подошли к р. Яик и сожгли четыре форпоста. По мнению челобитчиков, причиной всего этого «явилось нерадение войскового атамана с старшинами, а ежели бы

они тогдашнее время для закрытия тех фарпостов казаков командировали, то б, конечно, те фарпосты благополучны были» [6].

Можно утверждать, что с марта 1771 г. яицкие казаки, за исключением нескольких десятков человек, призванных из так называемой «согласной» стороны, участие в походах за мятежными калмыками не принимали. Однако они продолжали нести линейную службу в крепостях и форпостах, встречали и сопровождали к местам прежнего места жительства самостоятельно возвращавшихся из Калмыцкой орды людей, по приказам войсковых старшин производили разведку.

Прием возвращавшихся из Калмыцкой орды людей и сбор разведывательной информации о движении калмыков

Первая и самая многочисленная партия, сумевшая вырваться из мятежной Калмыцкой орды, появилась у Кулагиной крепости 26 января. Она состояла из подвластных калмыкам туркменов численностью до 400 человек. Согласно составленным в 1740 г. «поголовным» спискам, в пределах Калмыцкого ханства их кочевало 15 990 человек обоего пола. Они имели своих феодалов, сохраняли привычный образ жизни и религию [17, с. 99].

В рапорте походного атамана И. Акутина весьма эмоционально описывается неожиданное появление толпы непонятно откуда взявшихся кочевников. «Сего января 26 напротив 7 числа по примеру часа в шестом ночи с киргисской стороны сделался преужасный шум и всякого скота крик и рев голосов, от чего мы преужаснулись и в немалую опасность пришли. И так со степной на внутреннюю сторону прямо на Кулагину крепость через реку Яик перебираться начали и немалое число людей к крепостным воротам на лошадях подъехали, которые нами и встречены были». При встрече представители туркменов объявили, что поняли коварный план калмыков, когда переправились за Яик, и от речки Каракул решили возвратиться в свое Отечество и «быть под державою Ея Императорского Величества и служить по прежнему верно» [14, л. 228].

Окончательное решение о том, как поступать с людьми, решившими отстать от Калмыцкой орды и вернуться в Россию, могло быть принято только на высшем правительственном уровне. Но прежде запрос на него должен был пройти как минимум четыре инстанции. Войсковой старшина Акутин обратился за ордером к своему непосредственному начальству — в Яицкую войсковую канцелярию. По собственной инициативе он задержал в Кулагиной крепости трех человек — двух зайсангов (Томбача Теленберды и Нияза Назарова) и одного рядового туркмена Алмамбета Шалбетова. Все остальные туркмены во главе с зайсангом Эрке Батыром откочевали вниз по Яику к Гурьеву городку, где обещали остановиться [14, л. 338—338 об.].

В свою очередь, 30 января Войсковая канцелярия запросила резолюцию у генерал-майора И. К. Давыдова. От И. Акутина она лишь потребовала отправить содержащихся у него в аманатах трех туркмен в Яицкий городок. Для увещевания отошедших к Гурьеву туркмен, чтобы они перешли на кочевье ближе к Яицкому городку, должен был отправиться старшина М. Суетин. Опасение Канцелярии вызывало возможное намерение туркмен уйти на Мангышлак к своим соплеменникам, не состоящим в российском подданстве [14, л. 227].

Однако свободолюбивые туркмены, с боями вырвавшиеся от преследовавших их калмыков, не стали дожидаться разрешения русских начальников и без согласования с Акутиным начали движение к Волге. К ним присоединились еще 43 вышедших из калмыцкого плена туркмена. Да и те три аманата, что содержались в Кулагиной крепости, нагнали своих соплеменников и скрылись. Наказному атаману Яицкого войска Тонбовцову пришлось лишь смириться со свершившимся фактом и принять меры предосторож-

ности. Как он выразился, «чтоб оные паче чаяния не могли иногда, паки близ моря на степную сторону возвратиться» [14, л. 290 об., 477 об.].

До Гурьева городка возвращавшуюся в Астраханскую губернию партию туркмен, не вступая с ними в контакт, сопровождал казачий отряд хорунжего Филиппа Лыкина в составе 25 человек. В Гурьеве он должен был передать эстафету хорунжему Якову Чиркину. Однако из рапорта старшины Федора Бородина следует, что Ф. Лыков со своими казаками «довел» туркмен до Бирюковой ватаги, находившейся в 30 верстах от Красного Яра (в рапорте — Красного бугра. — С. Д.) и в половине пути до Астрахани. Из Бирюковой ватаги туркмены направили гонцов к астраханскому губернатору с объявлением о своем возвращении и за распоряжением о месте, где им будет определено расположиться кочевьем [15, л. 33—33 об.].

Своим своеволием туркмены, сами того не осознавая, помогли оренбургским властям определиться в отношении возвращавшихся на Яик калмыцких беглецов. Их стали без всякого промедления отправлять под конвоем к местам прежнего жительства в Астраханскую губернию.

7 апреля 1771 г. в рапорте, представленном Канцелярией Яицкого войска, приведен датированный перечень приема в яицких крепостях и форпостах людей, возвращавшихся из Калмыцкой орды. Вслед за упоминавшимися выше двумя партиями туркмен в составе 400 и 43 человек, вышедшими 26 января и 2 февраля, на нижних форпостах яицкими казаками были встречены: 27 февраля калмыков до 30 человек, 15 марта в Сорочиковской крепости 97 туркмен, 20 марта от полковника Щелкина донесено, что на внутреннюю сторону Яика возвратились 15 калмыцких кибиток. Там же перечисляются одинокие беженцы: трое калмыков — зайсанг Туручи Бугустимов, Бугуджин Дарханов и Лозан Габун Шарапов, а также Андрей Попов — крещеный калмык из Черного Яра, черкес Сеин Жандыков и малороссиянин Мартын Дрыгин. Все туркмены и калмыки были отправлены или подлежали отправке с подходящей оказией на Волгу, в свои прежние кочевья [16, л. 252—253].

Сведения о движении Калмыцкой орды оренбургский губернатор черпал из писем Нурали-хана и казахских султанов, а также из рапортов Канцелярии Яицкого войска. Сама же Войсковая канцелярия получала информацию от людей, уходивших от мятежных калмыков, и посланных в разведку казаков. В разведывательные рейды яицкие казаки направлялись из линейных крепостей малыми группами — по три-четыре человека. По возвращении командир группы отчитывался в Войсковой канцелярии как о самом походе, так и о выполнении поставленного группе задания.

7 марта 1771 г. из Калмыцкой крепости для выяснения местонахождения беглых калмыков была отправлена одна из таких групп. В ней было три разведчика: русские казаки — писарь Петр Живетин и канонир Петр Щучкин, а также калмык казак Табита Тянов. На седьмой день пути они добрались до реки Эмбы. От кочевавших там казахов разведчики узнали, что калмыки находятся от них не далее четырех верст. В период нахождения группы Живетина на Эмбе Нурали-хан с братьями султанами Айчуваком и Дусали с четырехтысячным войском нанесли поражение калмыкам. По полученным от казахов сведениям было пленено до полутора сот калмыков. Нурали-хан с братьями продолжили преследование беглых калмыков, располагаясь от их кочевий на расстоянии пяти верст. Причем казахское войско постоянно увеличивалось за счет подхода новых отрядов. В свою очередь, калмыки, как узнал Живетин, пытались склонить казахов к совместному нападению на яицкие форпосты и захвату в плен русских. Взамен просили обеспечить беспрепятственный пропуск через казахские кочевья. Возвратились разведчики 24 марта. Отказ от дальнейшего наблюдения за калмыками П. Живетин объяснял

следующим образом: «...по причине бескормицы и, не имея способу к дальнейшему о вышеписанных обстоятельствах разведыванию, принуждаем возвратиться» [15, л. 425 об.].

Заключение

Идея возвращения калмыков на историческую родину в Джунгарию, созревавшая в среде калмыцкого духовенства и части правящей торгоутской группировки, начала осуществляться в январе 1771 г. Первым этапом плана, разработанного в окружении наместника Калмыцкого ханства, стало организованное и быстрое прохождение многотысячной Калмыцкой орды через территорию Яицкого войска и переправа через реку Яик в Казахскую степь. На его фоне действия российской стороны выглядят запоздалыми, неорганизованными и противоречивыми. Единственной силой, пытавшейся препятствовать калмыцкому продвижению за пределы России, оставались казаки Яицкого войска. Казачьей команде старшины А. Митрясова, направленной на нижние яицкие форпосты, удалось нанести поражение большой партии калмыков, остановить и вернуть на Волгу улус нойона Асархи. Более пятисот туркмен, калмыков, русских, представителей других народов, ушедших из мятежной орды, были встречены казаками в крепостях и форпостах Нижней яицкой линии.

Однако в силу объективных и субъективных причин Яицкое войско было не в состоянии остановить бегущих калмыков. Его численность существенно уступала ушедшей с Волги Калмыцкой орде. Мобилизация казаков требовала времени и могла проводиться на основании указа из Военной коллегии и ордера от оренбургского губернатора, которые последовали с трехнедельным опозданием. Казачьи отряды могли передвигаться только вдоль пограничной линии, чтобы в крепостях получать необходимое количество продовольствия и фуража. Отсутствие подножного корма для лошадей и обледенение снежного покрова служили естественным препятствием для отправки в степь поисковых казачьих партий. Когда же все необходимые распоряжения были получены и Войсковая канцелярия приступила к формированию большой экспедиционной команды, большинство «несогласных» казаков отказались в нее записываться. Они выражали недовольство задержкой жалованья и лишением права избирать из своего состава походных старшин и атамана. Безусловно, отказ яицких казаков от дальнейшего преследования ушедших за пределы России калмыков существенно затруднил выполнение этой задачи и потребовал мобилизации почти всех имеющихся в Оренбургской губернии воинских контингентов. Тем не менее именно благодаря яицким казакам в Россию было возвращено несколько тысяч калмыков и представителей других народов, не по своей воле оказавшихся в Калмыцкой орде. Готовность Яицкого войска к сопротивлению заставила наместника Калмыцкого ханства Убаши отказаться от разорительного набега на Яицкий городок и другие казачьи селения.

Список источников

1. Белоусов С. С. Восстановление порядка и управления после откочевки в 1771 г. в Джунгарию большей части калмыцкого народа // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. Т. 2, № 2. С. 30—33.
2. Витевский В. Н. Яицкое войско до появления Пугачева // Русский архив. 1879. № 12. С. 377—402.
3. Долбежев Б. В. Судьба калмыков, бежавших с Волги // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1913. Вып. 86.
4. Дорджиева Е. В. Исход калмыков в Китай в 1771 г. Ростов-на-Дону : СКНЦ ВШ, 2002. 210 с.
5. Дубовиков А. М. Архивные документы о событиях в Яицком казачьем войске, предшествовавших пугачевщине // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т. 14, № 3. С. 52—68. DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-3.52-68.

6. Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. : сб. документов и материалов / сост.: Ф. Н. Киреев [и др.] ; под ред. В. Ф. Шахматова, Ф. Н. Киреева, Т. Ж. Шоинбаева ; Акад. наук КазССР ; Центр. гос. архив КазССР. Алма-Ата : Изд-во Акад. наук КазССР, 1961. XVI, 743, [4] с.
7. Карпов А. Б. Уральцы. Исторический очерк. Ч. 1. Яицкое войско от образования войска до переписи полковника Захарова (1550—1725 гг.). Уральск : Войсковая типография, 1911. 904 с.
8. Колесник В. И. Последнее великое кочевье: переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М. : Восточная литература, 2003. 285 с.
9. Левшин А. И. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей. Исторические известия. СПб. : Тип. Карла Крайя, 1832. 332 с.
10. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. Ф-3. Оп. 1. Д. 87.
11. ОГАОО. Ф. Ф-3. Оп. 1. Д. 104.
12. ОГАОО. Ф. Ф-3. Оп. 1. Д. 105.
13. ОГАОО. Ф. Ф-3. Оп. 1. Д. 112.
14. ОГАОО. Ф. Ф-3. Оп. 1. Д. 114.
15. ОГАОО. Ф. Ф-3. Оп. 1. Д. 118.
16. ОГАОО. Ф. Ф-3. Оп. 1. Д. 119.
17. Очиров К. Б. Тюркоязычные этнические группы в составе Калмыцкого ханства (XVII—XVIII вв.) // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2009. № 2. С. 98—102.
18. Рознер И. Г. Яик перед бурей. М. : Мысль, 1966. 207 с.
19. Цюрюмов А. В. О причинах откочевки калмыков в Китай в 1771 году // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Барнаул : БГПУ, 2001. С. 10—15.
20. Чернышев А. И. О перекочевке волжских калмыков в Джунгарию в 1771 г. // Общество и государство в Китае. 15-я науч. конф. : тез. докладов. М. : [Б. и.], 1984. Ч. 2. С. 152—161.

References

1. Belousov S. S. Vosstanovlenie poryadka i upravleniya posle otkochevki v 1771 g. v Dzhungariyu bol'shei chasti kalmytskogo naroda [Restoration of order and governance after the migration of the majority of the Kalmyk people to Dzungaria in 1771]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN — Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS*, 2009, vol. 2, no. 2, pp. 30—33. (In Russian)
2. Vitevskii V. N. Yaitskoe voisko do poyavleniya Pugacheva [Yaik army before the appearance of Pugachev]. *Russkii arkhiv* [Russian archive], 1879, no. 12, pp. 377—402. (In Russian)
3. Dolbezhev B. V. Sud'ba kalmykov, bezhavshikh s Volgi [The fate of the Kalmyks who fled from the Volga]. *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii* [Collection of geographical, topographic and statistical materials on Asia]. St. Petersburg, 1913, is. 86. (In Russian)
4. Dordzhieva E. V. *Iskhod kalmykov v Kitai v 1771 g.* [The exodus of the Kalmyks to China in 1771]. Rostov-on-Don, SKNTs VSh Publ., 2002. 210 p. (In Russian)
5. Dubovikov A. M. Arkhivnye dokumenty o sobytiyakh v Yaitskom kazach'em voiske, predshestvovavshikh pugachevshchine [Archival documents on the events in the Yaik Cossack army that preceded the “pugachevshchina”]. *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya — From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*, 2024, vol. 14, no. 3, pp. 52—68. DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-3.52-68. (In Russian)
6. *Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVI—XVIII vv.: sb. dokumentov i materialov* [Kazakh-Russian relations in the 16—18th centuries. Collection of documents and materials]. Alma-Ata, Akad. nauk KazSSR Publ., 1961. XVI, 743, [4] p. (In Russian)
7. Karpov A. B. *Ural'tsy. Istoricheskii ocherk. Ch. 1. Yaitskoe voisko ot obrazovaniya voiska do perepisi polkovnika Zakharova (1550—1725 gg.)* [Inhabitants of the Urals. Historical essay. Part 1. Yaik army from the formation of the army to the census of Colonel Zakharov (1550—1725)]. Uralsk, Voiskovaya tipografiya Publ., 1911. 904 p. (In Russian)
8. Kolesnik V. I. *Poslednee velikoe kochev'e: perekhod kalmykov iz Tsentral'noi Azii v Vostochnuyu Evropu i obratno v XVII i XVIII vekakh* [The last great nomad camp: the transition of the Kalmyks from Central Asia to Eastern Europe and back in the 17 and 18th centuries]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2003. 285 p. (In Russian)
9. Levshin A. I. *Opisanie kirgiz-kaisakskikh ili kirgiz-kazach'ikh ord i stepei. Istoricheskie izvestiya* [Description of the Kirghiz-Kaisak or Kirghiz-Cossack hordes and steppes. Historical news]. St. Petersburg, Tip. Karla Kraiya Publ., 1832. 332 p. (In Russian)
10. *Ob'edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [United State Archives of the Orenburg Region] (ОГАОО). Ф. Ф-3. Оп. 1. Д. 87.

11. OGAAO. F. F-3. Op. 1. D. 104.
12. OGAAO. F. F-3. Op. 1. D. 105.
13. OGAAO. F. F-3. Op. 1. D. 112.
14. OGAAO. F. F-3. Op. 1. D. 114.
15. OGAAO. F. F-3. Op. 1. D. 118.
16. OGAAO. F. F-3. Op. 1. D. 119.
17. Ochirov K. B. Tyurkoyazychnye etnicheskie gruppy v sostave Kalmytskogo khanstva (XVII—XVIII vv.) [Turkic-speaking ethnic groups within the Kalmyk Khanate (17—18th centuries)]. *Vestnik Instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territorii*, 2009, no. 2, pp. 98—102. (In Russian)
18. Rozner I. G. *Yaik pered burei* [Yaik before the storm]. Moscow, Mysl' Publ., 1966. 207 p. (In Russian)
19. Tsyuryumov A. V. O prichinakh otkochevki kalmykov v Kitai v 1771 godu [On the reasons for the migration of Kalmyks to China in 1771]. *Rossiya, Sibir' i Tsentral'naya Aziya: vzaimodeistvie narodov i kul'tur: materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Russia, Siberia and Central Asia. Interaction of peoples and cultures. Proceed. of the III Internat. sci.-pract. conf.]. Barnaul, BGPU Publ., 2001, pp. 10—15. (In Russian)
20. Chernyshev A. I. O perekochevke volzhskikh kalmykov v Dzhungariyu v 1771 g. [On the migration of the Volga Kalmyks to Dzungaria in 1771]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. 15-ya nauch. konf.: tez. dokladov* [Society and state in China. 15th sci. conf. Abstr. of reports]. Moscow, 1984, part 2, pp. 152—161. (In Russian)

Информация об авторе

С. В. Джунджужов — доктор исторических наук, доцент

Information about the author

S. V. Dzhundzhuzov — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 11.11.2024; одобрена после рецензирования 09.01.2025;
принята к публикации 20.02.2025

The article was submitted 11.11.2024; approved after reviewing 09.01.2025;
accepted for publication 20.02.2025